

The background of the cover is a whimsical illustration of an underwater scene. It features several stylized fish of various shapes and sizes. Some fish have rainbow-colored stripes on their mouths, while others have simple black outlines. There are also sea anemones and other marine life depicted in a simple, line-art style. The overall color palette is light and airy, with soft blues and purples.

САША ПЕСТОВА

КИЗЕКОЧУК И ВЭРА

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ МЫ
РАССКАЖЕМ ВМЕСТЕ

Саша Пестова
Кизекочук и Вэра. История,
которую мы расскажем вместе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584337
ISBN 9785448309793*

Аннотация

Эта история не случится, если Вы не откроете книгу. Но перед тем, как открыть, вооружитесь цветными карандашами. С этой минуты Вы не просто наблюдатель, Вы – иллюстратор, художник и соавтор. Я совсем не обижусь, если Вы напишете на обложке своё имя рядом с моим. Но сначала мы должны помочь одному маленькому мальчику изменить мир. На самом деле, каждый способен изменить мир. Начните с этой книги.

Содержание

I	5
II	15
III	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кизекочук и Вэра
История, которую мы
расскажем вместе
Саша Пестова

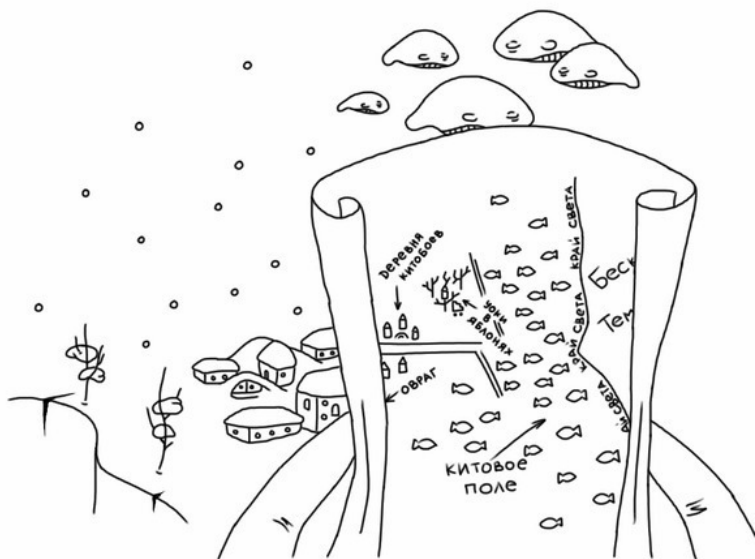
© Саша Пестова, 2016

© Саша Пестова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-0979-3

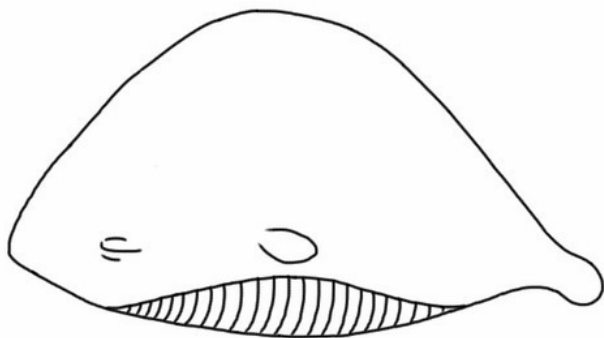
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Деревня китобоев расположилась недалеко от Китового поля, почти на самом Краю света. Край света – это граница, за которую никто не заходит. Она называется так, потому что свет там действительно пропадает, и дальше пролегает Бесконечная Темнота. Может, у неё и есть конец, но Бесконечная Темнота такая тёмная, что его ещё никто не видел. Там вообще никто ничего никогда не видел, поэтому все реши-

ли, что там ничего и нет, и, значит, делать там тоже нечего. А главное, там нет китов.

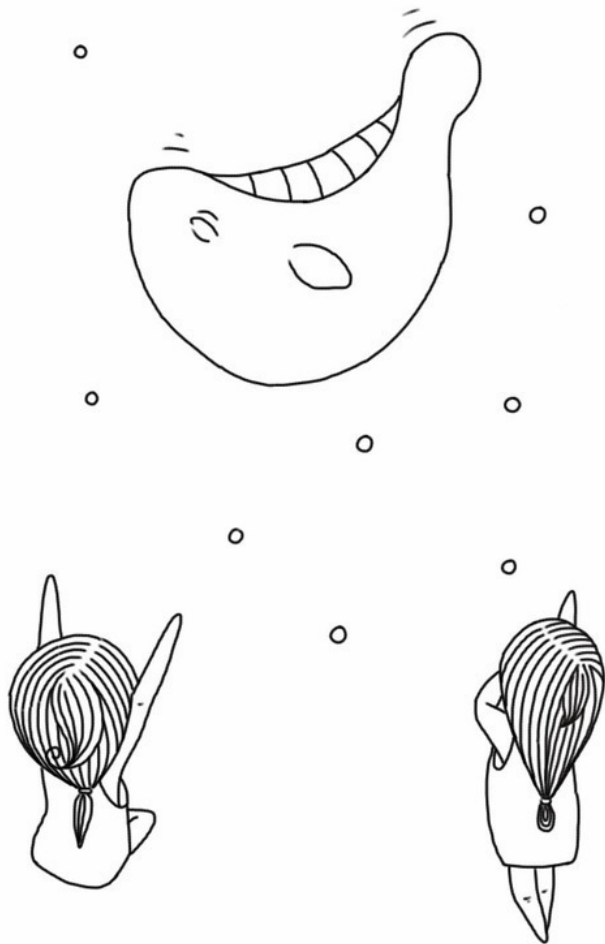

Зато киты есть на Китовом поле. Огромные небесные киты, которые плывут по небу так высоко, что их, вообще-то, тоже не видно, но кто-то когда-то понял, что они там есть. И ещё он понял, что в них что-то есть. Кое-что редкое и бесполезное, и потому очень дорогое – китовые скелеты. Нет, конечно, всему можно найти применение, даже китовым скелетам. Но, согласитесь, можно всю жизнь прожить без единого китового скелета и ни разу не взгрустнуть. Разумеется, если только ты не кит.

Собственно, тогда и появилась Деревня китобоев – этот кто-то, а затем его дети, и дети этих детей, и затем дети де-

тей детей, и всякие разные другие дети поселились у Края света, чтобы ловить китов и обменивать их скелеты на действительно полезные вещи.

Поймать небесного кита очень сложно. Чтобы убить кита, нужно выйти в Китовое поле, поднять голову к небу и остро и пронзительно крикнуть слово. Можно крикнуть несколько слов и даже целую тираду. Но велика вероятность, что слова эти будут недостаточно остры, они ранят кита, но не достигнут его сердца. Поэтому самые умелые китобои советуют выбрать всего одно слово, но такое пронзительное, чтобы оно мгновенно разбило киту сердце. Тогда кит упадет с неба, и нужно будет очень быстро отпрыгнуть, чтобы он не раздавил тебя своей тушей. Китовая охота – опасный промысел, однако от неё ещё никто не умирал, кроме китов.

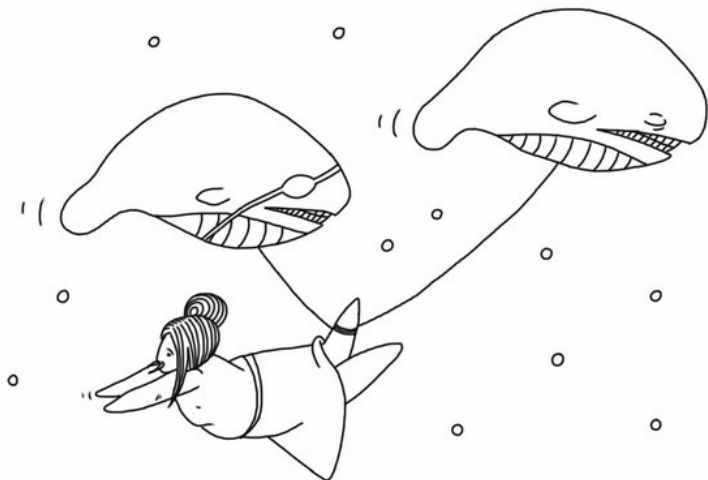

Правда, был случай, когда киты утащили одного молодо-

го китобоя на небеса. Тогда вся деревня собралась и спела грустную поминальную песню, которая была заготовлена как раз для таких трагических случаев. У жителей была ещё одна песня, весёлая, которую пели каждый раз, когда рождался новый китобой. Были ещё несколько песен, но ни одна из них не подошла, когда этот молодой китобой, трагически пропавший в первый же свой китовый сезон, выжил и вернулся в деревню. Так уж вышло, что у китобоев не было специальной песни для тех, по кому уже спели грустную поминальную песню, а он возьми, да и не умри. И весёлая песня рождения не подходила, потому что её исполняли строго до, а не после грустной поминальной. Просто, до этого китобоя все жили от песни рождения до грустной поминальной песни и никак не в обратном порядке... Да что уж там, случай был поистине исключительным. Жители до сих пор не решили, считать Шижи, так его зовут, живым или мёртвым, поэтому он всё ещё живёт в Деревне китобоев, не охотится на китов и не платит налоги. Впрочем, никто не спешил разрешать эти сложные бюрократические

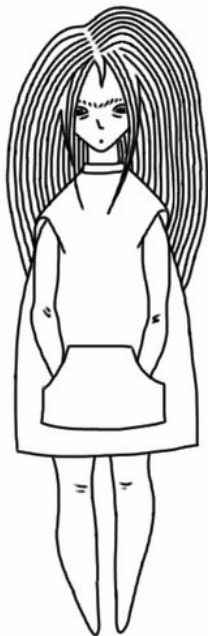
это когда оказывается, что существующие песни не подходят, а что с этим делать – никто не знает

неувязки, пока Шижи не постарел. Старик Шижи, пожалуй, стал единственным не китом, пострадавшим от китового промысла, и живой легендой Деревни китобоев.

Теперь же, когда волосы его побелели, больше всего жители боялись, что Шижи всё-таки умрёт, потому что никто не знает, что может случиться, если спеть грустную поминальную песню два раза подряд.

Кстати, про волосы. Вот, например, идёт Кизекочук. Посмотрите, какие у него длинные волосы.

Мужчины из деревни китобоев стригут волосы один раз в жизни – в самый первый её день, с этого момента и начинается отсчёт. Волосы – это единственная мера времени. По волосам можно определить возраст – чем старше китобой, тем длиннее его волосы. Если волосы почти не видны и сливаются с потемневшим небом, значит пришло время сна, а когда во сне волосы уже достаточно спутаются и рас-

треплются – придёт время просыпаться. Если на волосах лежит снег, значит, наступила зима, а если снег растаял – зима закончилась. Вы, наверное, уже догадались, что кокетливые женщины очень часто и очень коротко стригут свои волосы, чтобы никто не догадался, что они постарели. А особо кокетливые вообще бреют головы налысо. В жизни каждого китобоя однажды случается, что волосы белеют. Они перестают сливаться с небом и светятся даже в кромешной тьме. Тогда китобой не может вовремя лечь спать, а когда остальные уже просыпаются, его волосы ещё не успевают спутаться. Так он может проспять весь китовый сезон, а когда наступит зима – даже не узнает об этом, потому что на белых волосах очень сложно разглядеть снег. И это значит, что его время закончилось.

А всё-таки странно, что Кизекочук идёт один. Такой серьёзный, решительный. Похоже, он не настроен на новые

приятные знакомства, но не обижайтесь. Просто, ему только что исполнилось ещё немного волос, и он волнуется, что время запуталось, и волос случайно могло набраться чуть больше, чем нужно, чтобы стать самым молодым китобоем в деревне. Ведь это – его главная мечта.

II

Кизекочук из Деревни китобоев проснулся от того, что волосы его спутались чуть больше обычного. Он уже было решил, что внезапно и скоропостижно состарился, обзавёлся беспрецедентно

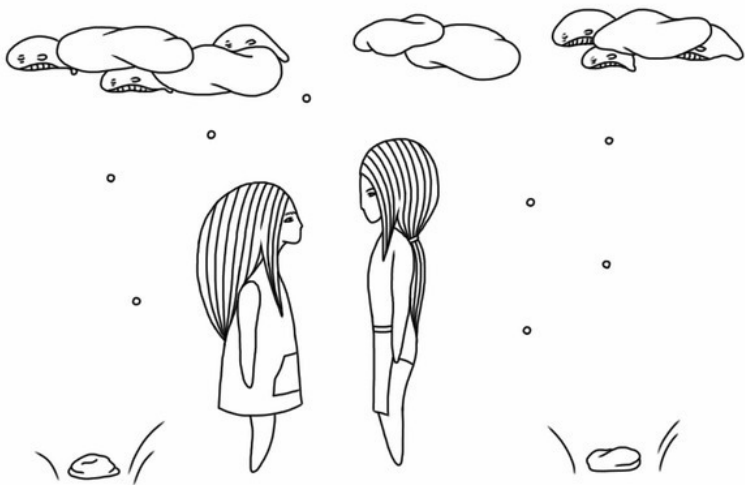
это когда случилось что-то новенькое, требующее
отдельной песни

длинной шевелюрой и, может, даже поседел. Поэтому он поспешил выйти на улицу, чтобы проверить свою догадку. К счастью, шёл снег, и Кизекочук понял, что по-прежнему молод, когда белый снег лег на его тёмную шевелюру и так и остался белым снегом на его тёмной шевелюре. Впрочем, Кизекочук боялся не старости, а того, что волосы отрастут быстрее, чем он станет самым молодым китобоем в деревне. А стать им он пока что никак не мог, но постоянно пытался. Он выходил в поле и кричал, кричал, кричал, потом хрипел, и, наконец, сипел, до тех пор, пока голос его не улетал, чтобы вернуться на следующий день, и тогда Кизекочук продолжал свои безрезультатные попытки достать какого-нибудь кита. Но то ли слова его были недостаточно остры, то ли бросал он их не слишком резко, цели своей они не достигали. Он мог, казалось, вечно наблюдать за другими китобоями, он знал все их секреты. Некоторые, этих Кизекочук любил осо-

бенно, выходили в поле, лихо закидывали голову и, словно не нарочно, случайно, мимолётом, бросали одно единственное словечко... И вот уже китобой бросается в сторону от падающей на него серой тени, на месте которой затем с оглушительным грохотом вырастает туша кита, раненного в самое сердце, да так метко и аккуратно, будто кит сам прилёг отдохнуть. Другие нелепо носились по всему Китовому полю с задранной головой и орали, как умалишённые, осыпая китов градом не слишком-то колких острот. Такие могли охотиться долго и группами. В конце концов, сердце какого-нибудь престарелого уставшего кита не выдерживало, и он, измученный, обрушивался на Китовое поле, а охотники тем временем продолжали орать и бегать до тех пор, пока кто-нибудь из них не замечал, что дело сделано. И Кизекочук периодически от безысходности перенимал их тактику, но, на самом деле, искренне хотел принадлежать к тем, кто слов на ветер не бросает.

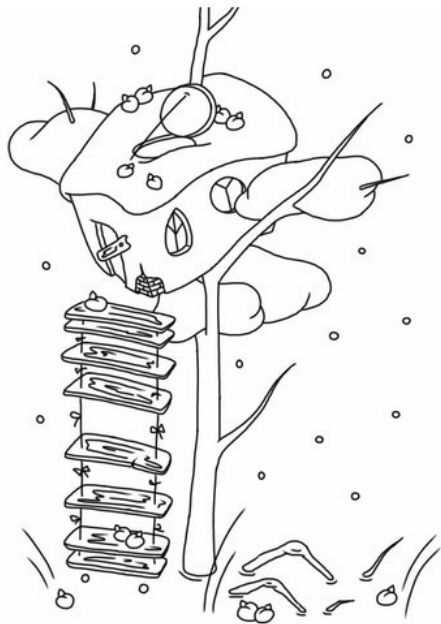
Надо сказать, что ровесники Кизекочука не разделяли его одержимости. Оно и понятно, их отцы и отцы их отцов были китобоями, и каждый из них рано или поздно должен был стать китобоем. Просто, Кизекочук хотел именно рано. Иногда, чтобы как-то умалить его пыл, ему напоминали историю с Шижи. Но Кизекочук боялся быть украденным небесными китами меньше, чем не стать самым молодым китобоем и всё свободное время проводил на Китовом поле. Там он и познакомился с Вэрой.

Вэра тоже был сыном китобоя, тоже, правда, всего пару раз и довольно давно, пытался поймать кита, и тоже абсолютно безрезультатно, поэтому мальчики быстро нашли общий язык и тему для первого разговора. Но были в Вэре вещи, которые Кизекочука не то чтобы раздражали, но вызывали недоумение. Например, волосы Вэры были немного длиннее, а сам он был немного выше, и всё это указывало на то, что он в целом старше Кизекочука. У Вэры оставалось ещё меньше времени, чтобы стать самым молодым китобоем, но Вэра

был спокоен. И Кизекочуку пришлось смириться с тем, что, приобретая нового друга, волноваться он теперь обязан был за них обоих. Вэра, в свою очередь, был за обоих спокоен, что ещё больше заставляло волноваться Кизекочука.

А тут ещё и эти волосы. Спутались так, что в одиночку не справиться. Слишком длинные волосы, предвестники неминуемой старости, не на шутку расстроили Кизекочука. Можно было бы попросить Вэру помочь их расчесать или даже... немножко обстричь, совсем чуть-чуть, так, что никто бы и не заметил! Вэра никому бы не рассказал, а потом и вовсе забыл бы... Только вот сам Кизекочук не забыл бы никогда, никогда не простил бы себе и Вэре эту уловку. Кизекочук ещё раз с сожалением посмотрел на свои чрезмерно длинные и спутанные волосы и решил всё-таки обратиться за помощью к тому, чьи волосы были длиннее.

III

Кизекочук шёл к Вэре, когда мы застали его сурового и непричёсанного. Он шёл к Вэре, чтобы тот расчесал ему волосы. Вы, может, слышали фразу: «Не беспокой меня по пустякам!», а вот Кизекочук не слышал. И вся их дружба складывалась из таких тревожных пустяков. Конечно, Кизекочук и сам мог бы разобраться со своими волосами, именно поэтому он шёл к Вэре. Он знал, что Вэра справится и не знал другого способа показать другу, что нуждается в нём.

Уоки, или убежище, Вэры было окружено высокими яблонями и само располагалось на одной из них. Когда Кизекочук подошёл, он увидел две ноги, торчащие из густой кроны самого высокого дерева. Ноги стояли на лестнице. Лестница стояла на земле, и это крайне удивило Кизекочука. Дело в том, что обычно лестница стояла на другой земле – той, что находится под деревом с уоки, и вела к входу. А ещё его удивило, что какая-то женщина посреди белого дня ворует яблоки. Почему именно женщина? Китобои не занимались сбором яблок. Китобои вообще не занимались ничем, кроме охоты на китов. Все остальные дела – починка уоки, приготовление пищи, стирка, воровство и другие ненужные глупости, считались женским занятием. Поэтому Кизекочук был уверен, что вор-женщина. Тем более он был удивлён, когда увидел, что обе ноги принадлежат никому иному, а самому

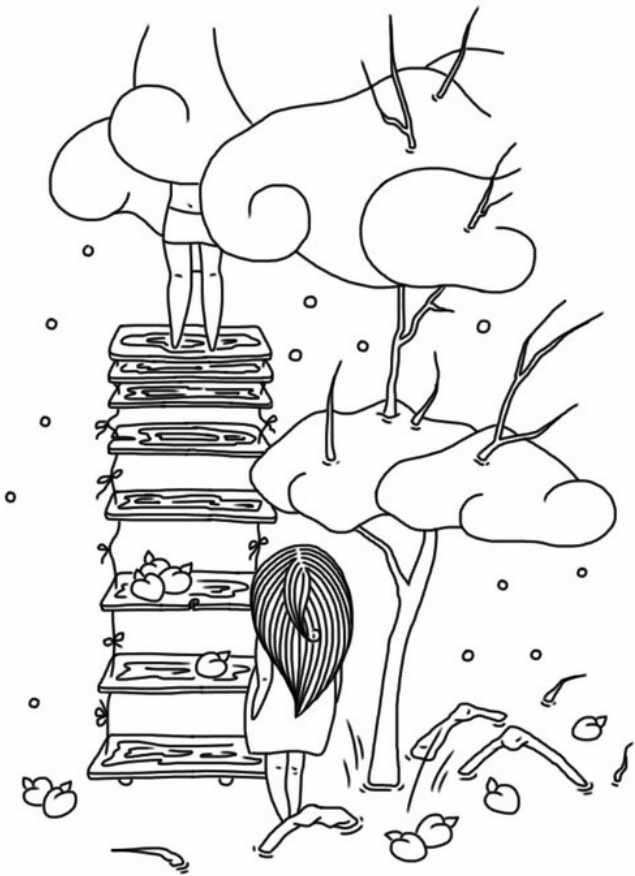
Вэре.

– Вэра?

Он подошёл ближе, чтобы убедиться, что ему не почудилось.

– Здравствуй, Кизекочук!

Вера не вздрогнул, не оглянулся с опаской, что его кто-то заметил, не оглянулся даже без опаски. Он просто продолжал собирать яблоки в свой огромный карман, свисающий с пояса аж до колен. Тогда Кизекочук осторожно и вкрадчиво продолжил:

– Вэра, я могу сейчас уйти, как будто меня здесь и не было.

А потом приду снова.

– Зачем, Кизекочук?

– А зачем ты воруеть яблоки?

– Ворую?!

Вэра засмеялся и даже отвлёкся от своего неприличного занятия.

– У кого же я ворую?

– У яблонь.

– Ну тогда, да. Я действительно ворую яблоки.

– И тебе не стыдно?

– За что?

– А разве это не женское дело?

– Нет такой песни, в которой так поётся. И потом, какая разница, чьё это дело, если мне нужны яблоки.

– И ты не мог попросить кого-нибудь другого собрать их для тебя? Какую-нибудь женщину, например?

– Зачем мне просить кого-то, если я могу сделать это сам.

– Но...

Глаза Кизекочука внезапно расширились до размера яблок. Что «но...» – он не знал. Он сел на толстый извилистый корень, попытался перестать тарашить глаза, но был так поражён, что ничего не вышло. Тем временем Вэра уже набил свой огромный карман и спустился с лестницы. Увидев забавное выражение на лице Кизекочука, он не стал смеяться,

ведь заметил также и тщетные попытки друга скрыть своё недоумение.

– Ты же пришёл не затем, чтобы уличить меня в воровстве?

– М?

Вопрос несколько отвлёк Кизекочука от сложных переживаний, ему удалось моргнуть, что заметно улучшило ситуацию.

– Ты пришёл сюда просто так?

– Да. Нет.

Кизекочук начал быстро мысленно перебирать события, которые привели его к Уоки в яблонях. Он так разволновался, что совсем забыл, зачем пришёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.